

ВОРОН И КЛЮЧ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

на д я ф и м и а м

Надя Фимиам

Ворон и ключ

<https://litres.ru/74128674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то Десятина была древним договором между людьми и фейри. Теперь она превратилась в смертный приговор.

После предательства местных старейшин молодая механик Рэйвен вместе со своим возлюбленным оказывается в Неблагом дворе — мире, где людей используют как рабов, а надежда на спасение становится частью жестокой игры.

Чтобы выжить, ей придется пройти через испытания, пережить потерю, столкнуться с древним заговором и выяснить, почему могущественные силы по обе стороны границы так отчаянно в ней заинтересованы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	22

Надя Фимиа Ворон и ключ

Пролог

Шел снег.

Стихия бесновалась уже несколько дней подряд. Метель словно растворяла мир вокруг, стирая его очертания настолько, что ничего нельзя было разглядеть уже на расстоянии вытянутой руки.

Человек шел медленно, сильно сторбившись, прижимая к груди ветхую, потертую сумку из темной потрескавшейся кожи. Его тулуп сильно прохудился, был порван в нескольких местах, но это было все же лучше, чем совсем ничего. Он шел уже второй день, усталость и бесконечный голод грозились сбить его с ног. Мороз сковывал лицо, впиваясь в кожу сотней острых игл.

Голые деревья мрачными силуэтами склонились над дорогой. Человек вскинул голову, щурясь от хлопьев снега, летевших прямо в глаза, услышав хлопанье крыльев над головой. Он остановился, тревожно оглядываясь по сторонам. Вьюга свистела где-то в кронах деревьев, он слышал этот звук весь свой путь, но сейчас в воздухе звенела тишина.

Человек покрепче прижал сумку к груди и внезапно уви-

дел темный силуэт на одной из веток. Ворон следил за ним алыми угольками глаз. Было в нем нечто такое, чего человек никак не мог понять и объяснить даже самому себе. Пока случайно не заметил еще одного ворона на другом дереве, и еще одного, и еще.

И все они смотрели на него.

Следили за каждым его движением, жадно впитывали каждое проявление эмоций на его худом бледном лице. Ощувив, как липкий страх медленно подступает к горлу, он сдвинулся с места и осторожно пошел вперед. Ноги проваливались в снег, он оступался снова и снова, несколько раз едва не упал.

Что-то плохое надвигалось.

Громко каркнув, ворон пролетел прямо над его головой, задев его черным блестящим крылом. Человек едва подавил вскрик, вырвавшийся от неожиданности, и упал на колени. Судорожно вдыхая ледяной воздух, он стал разгребать трясущимися руками снег. Вырыв неглубокую яму, он сунул в нее свою сумку и поспешно зарыл ее.

На деревьях уже восседали десятки воронов. Ветки почернели от них, словно обугленные пламенем. Алые глаза, не моргая, следили за ним. Это могло означать только одно.

Человек медленно поднялся на ноги и попятился назад. Он знал, что умрет. Воздух вокруг него словно потяжелел и покрылся блестящей коркой льда. Все тело будто налилось свинцом и стало на сотню килограммов тяжелее.

Они были здесь.

Человек закрыл глаза, чтобы помолиться.

А потом вороны с яростными криками сорвались с веток и набросились на него.

Глава 1

О Десятине обычно не говорят. Это запрещено.

Старейшины утверждают, что магией пропитано все вокруг — земля, вода, даже сам воздух. А значит, любое упоминание о Десятине обязательно рано или поздно достигнет чутких ушей обитателей Бессмертных Дворов.

И уж тогда беды не миновать.

По крайней мере, так говорят. Матери с детства учат детей, что некоторые слова лучше не произносить слишком громко. Не отзывать, если в сумерках за окном кто-то зовет тебя по имени. Не подбирать в лесу странные вещи, даже если они выглядят дорогими. Особенно если выглядят дорогими...

Мужчины стараются обучить сыновей и дочерей всему, что знают сами, чтобы у тех был хоть крошечный шанс выжить, когда их выберут. На деревенских праздниках никто не поет старых песен о народе холмов, хотя когда-то их знали наизусть в каждом доме.

Иногда по ночам кто-нибудь все же слышит музыку со стороны холмов. Тихую, красивую настолько, что от нее становится не по себе. В такие ночи люди стараются не выходить из дома до самого рассвета и на все засовы запирают двери. Потому что почти у каждой семьи здесь найдется своя история о ком-то, кто однажды ушел за голосом из тумана и

так не вернулся обратно.

Но раз в год молчание все равно становится бесполезным.

О Десятине невозможно забыть. Невозможно переждать ее, спрятавшись за закрытыми ставнями или запершись в собственном доме. Она приходит вместе с последним месяцем осени, когда леса вокруг деревень начинают гнить от сырости, а по утрам земля покрывается тонкой серебристой изморозью.

И тогда даже воздух словно меняется.

Люди становятся тише, на улицах реже раздается детский смех. Старики все чаще смотрят в сторону холмов, за которыми лежат земли Бессмертных Дворов.

Никто не знает, почему именно десять человек, каждую осень, каждый год. И почему Дворы до сих пор соблюдают древний договор вместо того, чтобы забрать столько смертных, сколько пожелают. Но договору уже сотни лет, и за все это время фейри ни разу его не нарушили.

Как и люди.

В мастерской отца Рэйвен всегда витали одни и те же запахи: горячий металл, масло и влажное дерево. Ими уже давно пропитались все стены, рабочий стол и каждая маленькая деталь, которыми он был завален. С самого детства этот запах ассоциировался у нее с домом и покоем, которые воцарялись вокруг, когда отец садился за работу.

«Механизмы не терпят спешки и горящих рук, Рэйвен», — назидательно повторял отец, когда она садилась рядом и раз за разом переворачивала хотя бы одну из его коробок, заполненных инструментами. Он никогда не ругал ее и не злился; интерес дочери к его ремеслу он всегда воспринимал как личное достижение и очень этим гордился.

Даже зимой здесь было душно от жара печи и старых механизмов, которыми был завален весь пол от самой двери. Элиас Арджент никогда никому не отказывал в помощи, к нему съезжались даже те, кто жил в отдаленных деревнях. Вдоль стен мастерской тянулись бесконечные полки с инструментами, деталями и разобранными устройствами, а под потолком висели несколько медных ламп, покрытых тонким слоем копоти.

Он нередко засиживался до поздней ночи, и Рэйвен находила его спящим прямо за рабочим столом. Отец по-настоящему любил свое дело, уж не говоря о том, что толковых механиков во всех ближайших поселениях можно было посчитать по пальцам одной руки.

Когда-то они с матерью Рэйвен мечтали, что она станет лекарем, будет помогать людям, но она никогда не испытывала интереса к лекарскому делу. Куда сильнее девочку занимали вещи, которые можно было разобрать на винтики, заглянуть внутрь и понять, как они работают. Со временем родители смирились с тем, что их дочь скорее просидит несколько часов, перебирая пружины, винты и крошечные шестеренки,

нежели побежит к реке вместе с другими детьми. Иногда отец даже позволял ей помогать ему — подержать деталь, принести нужный инструмент или зачистить металл наждачной бумагой. Рэйвен с удовольствием делала все то, что ему давалось с трудом из-за покалеченной руки.

Девочка, которая зачастую чувствовала себя хуже других из-за слухового аппарата, который с раннего детства висел на ее правом ухе, в мастерской полностью раскрывала свои таланты. Она обожала наблюдать, как груда бесполезного металла в руках отца постепенно обретала форму и смысл. И мечтала, что однажды сможет стать такой же, как он.

Однако прямо сейчас эта мечта виделась девушке почти ненавистной.

— Клянусь, если эта дрянь еще раз заклинит, я ее просто сожгу! — пробормотала она, вытирая грязные пальцы о старую тряпку.

Старый механический насос, занимавший добрую половину комнаты, уже не первую неделю не давал Рэйвен спокойно спать по ночам. Раздраженно ковыряясь отверткой в переплетении шестеренок, она мысленно, а порой и вслух, проклинала все, что попадалось под горячую руку.

Файлан, сидевший рядом на перевернутом ящике от запчастей, тихо рассмеялся.

— Ты так говоришь про каждый механизм.

— Потому что каждый механизм рано или поздно начинает вести себя как проклятый гоблин!

— Может, проблема не в механизмах? — задумчиво произнес Файлан, потирая пальцами подбородок.

Вскинув голову, девушка швырнула в него тряпкой. Он легко поймал ее и улыбнулся той самой улыбкой, от которой ей всегда становилось спокойнее. Рэйвен не представляла, колдовством какого толка владела его мать, наделившая его такой способностью с самого рождения.

Файлан, в отличие от нее, будто вообще не умел злиться по-настоящему. Он был из тех людей, рядом с которыми все казалось проще: и работа, и холодные зимы, и даже вечная нехватка денег или еды. Иногда девушке казалось, что если их мир однажды все-таки развалится окончательно, Файлан просто сядет где-нибудь среди руин и спокойно предложит план, как можно все собрать обратно.

Файлан вдруг соскользнул с ящика и приблизился, присаживаясь рядом с ней на корточки.

— Дай посмотрю.

— Я сама справлюсь, — фыркнула Рэйвен, дернув плечом.

— Рэйвен, — укоризненно произнес он, но она лишь покачала головой.

— Не командуй! Это моя мастерская.

— Технически, это мастерская твоего отца, — криво усмехнулся он, и она недовольно посмотрела на него. — Я пытаюсь помочь тебе.

Раздраженно фыркнув в последний раз, Рэйвен все-та-

ки подвинулась, позволяя ему заглянуть внутрь механизма. Файлан нахмурился, разглядывая сломанное крепление.

— А вот это уже плохо.

— Да не может быть! — язвительно всплеснула руками девушка.

— Нет, серьезно. Если бы ты еще чуть сильнее дернула, весь клапан бы сорвало.

Рэйвен тут же придвинулась обратно, мгновенно почувствовав от Файлана такой привычный и родной аромат свежего хлеба, который он неизменно приносил каждый раз из отцовской пекарни. Он был совершенно прав. Следующее ее резкое движение могло обернуться окончательной гибелью насоса. И как это она сама не заметила, что клапан уже держится на честном слове?

— Да, я знаю, — как ни в чем ни бывало пожала плечами она, но на этот раз провернула отвертку куда более мягко и аккуратно. — Я видела.

— Ты уже третий день ведешь беседы с этим насосом, — выпрямившись, Файлан упер руки в бока. — Я начинаю ревновать.

— Тогда скорее тащи сюда что-нибудь тяжелое, — Рэйвен лукаво посмотрела на него из-за плеча. — Я его прикончу.

Файлан хмыкнул, осторожно отодвинул ее руку и запустил пальцы в механизм. Рэйвен вытянула шею, внимательно наблюдая за его действиями. Через несколько секунд раздался тихий щелчок.

— Вот, теперь держит, — произнес парень. — Но надолго не хватит, надо менять крепление целиком.

Рэйн выдохнула, прижавшись спиной к верстаку. Правое ухо со слуховым аппаратом слегка заныло — как всегда, когда она нервничала. Порой ей казалось, что эта железка не только помогает ей слышать, но и усиливает все эмоции.

— Спасибо, — буркнула она неохотно, надув губы.

— Не за что, — Файлан выпрямился, вытирая руки о ее же тряпку. — Хотя могла бы сказать и чуть ласковее. Я как никак твой парень, а не подмастерье.

Рэйвен невольно улыбнулась, глядя на него снизу вверх. Он всегда так делал — мягко подкалывал ее, чтобы не дать ей утонуть в собственной раздражительности и импульсивности. Она протянула руку и слегка дернула его за воротник рубашки, притягивая к себе. Файлан охотно наклонился и поцеловал ее — спокойно, тепло и без спешки, как делал всегда. Когда он отстранился, Рэйвен все еще держала его за воротник.

— Останься сегодня? — тихо попросила она. — Отец вернется поздно, он у Генри Грина чинит мельничное колесо.

Файлан провел большим пальцем по ее щеке, стирая пятнышко от масла, и мягко улыбнулся.

— Останусь. Только сначала мне нужно помочь отцу с тестом. Он один не справится, завтра на рынок сразу после... отбора.

Рэйвен кивнула, хотя от последнего слова внутри все

неприятно сжалось. В последнее время все их разговоры заканчивались словами «завтра», «потом», «нужно». Словно они оба старательно делали вид, что время еще есть и тот самый день вовсе не наступит уже совсем скоро.

Она встала, отгоняя беспокойные мысли, и потянулась, разминая затекшую спину. Через маленькое окно мастерской был виден кусок серого осеннего неба и уходящие вдаль вересковые пустоши. Сегодня они казались ей особенно угрюмыми.

— Ты слышал, что в восточном поселении на прошлой неделе забрали аж троих механиков? — спросила она внешне. — Зачем им столько?!

Файлан замер на секунду, потом посмотрел на нее серьезно и внимательно. Причина ее раздражительности стала кристально ясной.

— Слышал. Старейшины сказали, что «по списку».

— По списку! — фыркнула Рэйвен. — Как будто это просто заказ на базаре, а не живые люди, у которых семьи остались без главных кормильцев. Неужели, они не понимают, что практически обрекли их на голодную смерть?

Она подошла к полке и взяла маленький медный ключ, который когда-то сама собрала из старых деталей. Повертела в пальцах, задумчиво кусая губу, как делала всегда, когда нервничала.

— Иногда я думаю... если бы я не была механиком, может, и не боялась бы так. Просто жила бы как все. А так...

каждый раз, когда приходит осень, я ловлю себя на мысли: вдруг в этом году в списке окажусь я? Или отец. Или ты.

Файлан подошел сзади и обнял ее за талию, прижавшись подбородком к золотистой макушке Рэйвен. Подобные мысли часто навещали и его, но он старался не поднимать эту тему, чтобы лишний раз не пугать ее.

— Не окажешься. Ты же знаешь, что списки все равно формируют старейшины, хоть и прикрываются, что это якобы выбор фейри. Семьи с полезными ремеслами они стараются... прикрывать. А твоего отца все ценят.

— Прикрывать, — невесело хмыкнула Рэйвен. — Красиво ты замаскировал «бросать других на съедение».

Она повернулась в его объятиях и уткнулась лицом ему в грудь. От парня пахло хлебом, дымом и чем-то теплым, домашним. Она обожала этот запах.

— Прости, что я такая сегодня, — прошептала она. — Ты же ни в чем не виноват. Я просто не хочу туда, Файлан. Я хочу остаться здесь, с тобой. С папой. Чинить эти проклятые насосы и ругаться на них каждый день.

Файлан лишь молча гладил ее по спине. Он никогда не обещал того, в чем не мог быть уверен. Это было одной из причин, почему она его любила — и одной из причин, почему иногда ей хотелось его встряхнуть.

Снаружи вдруг послышались голоса. Кто-то громко постучал в дверь, и Рэйвен вздрогнула и отстранилась от Файлана, который тоже мгновенно напрягся. В глазах у него

мелькнуло беспокойство.

— Это Рейнар, — сказал он тихо. — Опять.

Рэйвен подошла к окну и сразу почувствовала, как внутри все скрутило. У крыльца действительно стоял Рейнар — старший сын старейшины. Высокий, самоуверенный и непроходимо тупой. На губах у него застыла мерзкая ухмылка, которую она терпеть не могла вот уже второй год.

Он приходил уже не в первый раз. То подкарауливал возле колодца, то «случайно» заходил в мастерскую, когда отца не было дома. Каждый раз весьма прозрачно намекал, что неравнодушен к ней и что его покровительство обеспечит ей безопасность и неприкосновенность во время Десятины. Возможно, другая девушка на ее месте давно согласилась бы на его предложение, но Рэйвен хватило одного сального взгляда Рейнара, чтобы возненавидеть его. Каждый раз он смотрел на нее так, будто она уже была его.

Файлан встал рядом и тихо выругался.

— Опять он. Рэйвен, не выходи никуда.

— Арджент! — крикнул Рейнар. — Открывай, я знаю, что ты дома. Не прикидывайся глухой.

Рэйвен почувствовала, как внутри закипает привычная ярость. Он имел наглость дразнить ее за недуг, из-за которого ее отец лишился пальцев, лишь бы подарить ей возможность нормально слышать.

— Вот ублюдок, — процедила она.

Файлан, предчувствуя беду, схватил ее за руку.

— Рэйвен, не надо. Он просто ищет повод.

— А я сейчас дам ему повод, — она вырвала руки и решительно направилась к двери.

— Подожди!

Но она уже толкнула дверь. Холодный воздух резко ударил в лицо. Рейнар обернулся, его глаза хищно блеснули. За его спиной маячили румяные, круглые лица его дружков, которые тоже не блистали умом и нагло ухмылялись. Дальше по улице она заметила нескольких застывших сельчан, которые, учуяв скандал, замедлили шаг, чтобы не пропустить самое интересное.

— О, наконец-то! — обрадовался Рейнар. — А я уж подумал, ты опять будешь прятаться за своим пекарем.

Рэйвен застыла на крыльце. Руки сами сжались в кулаки, но она изо всех сил старалась держаться спокойно.

— Чего тебе, Рейнар?

Его взгляд скользнул по ней — от растрепанных светлых волос до грязных рук, задержавшись на слуховом аппарате у правого уха.

— Арджент, — протянул он почти ласково. — Опять вся в масле. Впрочем, тебе идет. Грязь тебе к лицу.

Файлан вышел следом за ней и встал чуть впереди, пытается закрыть собой. Рэйвен едва сдержала порыв взять его за руку. Сердце у нее стучало тяжело и зло.

— Рейнар, — серьезно сказал Файлан. — Если у тебя есть дело — говори и уходи. Нечего тут круги нарезать.

Рейнар шагнул ближе. Его приятели остались чуть поодаль, ухмыляясь. Взгляд парня был устремлен лишь на Рэйвен, будто Файлана вообще не существовало.

— Я просто подумал... — он понизил голос, но недостаточно тихо, чтобы соседи не могли слышать. — У тебя ведь проблема с ушком, верно? Одно не слышит совсем без этой железяки. Бедная, должно быть, тяжело в таком мире жить... особенно когда вокруг столько опасностей.

Он облизнул нижнюю губу.

— Но я мог бы помочь. Мой отец ведь старейшина. Если я попрошу его как следует... можно сделать так, чтобы тебя и твоего калеку-отца обошли стороной в этом году. Ты же понимаешь, о чем я.

Рэйвен ощутила, как кровь прилила к лицу. Намек был грязным, и он даже не попытался это скрыть.

— А взамен, — продолжил Рейнар тише, почти интимно, — ты могла бы иногда приходить ко мне. По-доброму, потихому. Я бы тебя согрел. Научил, как правильно использовать свой острый язычок... не только для ругани.

От этих слов у нее в горле встал комок ярости и отвращения. Она даже не смогла бы припомнить сейчас, когда в последний раз что-то приводило ее в такое бешенство. Краем глаза она заметила, как рядом окаменел от злости Файлан.

— Ты мразь, — выдохнула она дрожащим голосом.

Рейнар усмехнулся.

— А твой отец... старый уже. Руки его толком не слуша-

ются, я сам видел. Если вдруг твое имя окажется в списке, кто тогда будет помогать ему? Подумай хорошенько, Рэйвен. Ты же умная девочка. Несмотря на свою глухоту.

В этот момент что-то внутри нее лопнуло, будто струна оборвалась, остро хлестнув ее по лицу. На краю крыльца стояло ведро с грязной водой, в которой отец отмачивал ржавые детали. Вода была мутной, маслянистой, с резким металлическим запахом. Рэйвен, не думая, схватила ведро обеими руками. Файлан резко повернулся к ней, схватил за локоть:

— Рэйвен, нет!

Но было уже поздно. Она с размаху выплеснула все содержимое прямо Рейнару в лицо.

Грязная жижа окатила его с головы до ног. Он отшатнулся, зашипев, как ошпаренный. По его дорогой куртке потекли черные потеки, в светлых волосах застряла мелкая железная стружка.

На мгновение повисла тяжелая тишина.

Рейнар медленно провел ладонью по лицу, стирая грязь. Его глаза горели такой чистой, холодной ненавистью, что у Рэйвен по спине пробежал озноб. До этого она лишь огрызалась на него или игнорировала, не позволяя себе столь открытых действий.

— Ты только что совершила большую ошибку, — тихо сказал он, глядя ей в глаза. Голос был спокойный, даже ласковым. — Очень большую.

Рэйвен стояла, все еще сжимая пустое ведро. Злость по-

немногу начала отступать, и на смену ей хлынул ужас.

«Что я наделала...»

— Ты только что подписала себе приговор. И своему отцу тоже.

Файлан шагнул вперед, загораживая Рэйвен собой. Яростный взгляд сына старейшины наконец полоснул и по нему.

— Рейнар, — жестко сказал Файлан. — Убирайся. Сейчас же.

— Завтра Десятина, — произнес Рейнар, глядя на Рэйвен. — И я очень постараюсь, чтобы ты запомнила этот день надолго.

Он развернулся и пошел прочь, оставляя за собой мокрые грязные следы. Его приятели молча двинулись следом. Рэйвен стояла, все еще сжимая пустое ведро. Ярость отступила так же быстро, как и нахлынула, оставив после себя дрожь и горькое сожаление.

Ведро выскользнуло из пальцев и с глухим стуком упало на доски.

— Проклятье... — прошептала она. — Я не хотела... так...

Файлан повернулся к ней. На его лице была смесь тревоги и усталости. Он точно знал, что сегодняшнее зрелище дорого обойдется Рэйвен. Мелочный Рейнар не оставит без ответа подобное унижение.

— Я ведь просил не выходить, — тихо сказал он без упрека. Затем притянул ее к себе и крепко обнял. — Теперь бу-

дет хуже.

Рэйвен закрыла глаза и прижалась к нему, чувствуя, как внутри все дрожит.

— Он просто... достал меня. Я не выдержала.

Файлан молча погладил ее по спине, но в его молчании она ясно читала: на этот раз она зашла слишком далеко.

Глава 2

Вечерний туман густо стекал вниз по холму, ведущему к лесу. Солнечный свет медленно тускнел, терялся среди тяжелых облаков, оставляя после себя только бледно-розовую полосу на небе и холодный, влажный воздух, пахнувший прелой листвой и дымом из деревенских труб. Рэйвен и Файлан сидели на старом поваленном стволе дуба у самого края глубокого оврага — в том самом месте, где они с малых лет привыкли прятаться от всего мира.

Рэйвен подобрала колени к груди, слегка наклонившись вперед. Грязь на ее пальцах уже подсохла, но девушка старательно терла ее рукавом рубашки. Это привычное действие странно успокаивало ее после случившегося. Она упрямо сжимала зубы, игнорируя слабое покалывание в правом ухе — верный знак, что она сегодня слишком много нервничала.

Файлан сидел рядом, ближе обычного. В руке он вертел сухую ветку, отламывая от нее по кусочку каждый раз, когда бросал на девушку настороженный взгляд. Он прекрасно знал, что первой она разговора не начнет. Характер заставлял ее до последнего отмалчиваться и делать вид, что ничего особенного не произошло.

— Ты понимаешь, что теперь будет? — тихо спросил он и специально отвел взгляд в сторону.

Насколько хватало глаз, простиралась вересковая пу-

стошь, укрытая густым лиловым ковром цветущих кустов. Обычно в это время они уже начинали блекнуть и осыпаться, но нынешнее лето словно не желало уступать место осени. Вечерний ветер лениво перекачивался над холмами, заставляя фиолетовые волны цветов едва заметно колыхаться, будто поверхность далекого моря.

Прохладный воздух был пропитан сладковатым ароматом вереска, кое-где смешивающимся с горькой нотой остывающей земли. В наступающих сумерках это лиловое море казалось почти черным, мрачным. Туман, выползающий из оврага, медленно затапливал низины, отсекая их маленький холм от остального мира. Одинокие скалистые выступы, торчащие среди зарослей, теперь походили на спины заснувших каменных чудовищ.

Это было их место. Дикое и колючее, не прощающее слабости, но сейчас Рэйвен впервые показалось, что пустошь замерла в каком-то тревожном, болезненном ожидании, готовая поглотить их обоих.

Файлан бросил на землю последний обломок ветки. Сухой стук деревяшки прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине. Рэйвен вздрогнула и тут же пожалала плечами.

— Ничего не будет. Он ничего не сделает.

— Рэйвен, — Файлан вздохнул. — Ты облила помоями сына старейшины. На глазах у половины улицы. Это не шутка.

— Он сам напросился, — процедила она, не отрывая

взгляда от испачканных рук. — Ты слышал, что он мне говорил? Про «отблагодарить», про моего отца... — Она сжала челюсти. — У него кишка тонка что-то сделать. Он всегда только языком треплет.

Файлан резко повернулся к ней. В сумерках его лицо выглядело старше своих двадцати двух лет. Он смотрел с укоризной, которую она не привыкла видеть в его мягком, любящем взгляде.

— Раньше — да. А теперь ты его публично унизила. Такие, как Рейнар, этого не прощают. Особенно сейчас, когда все ждут Дес... ты поняла.

Он осекся и невольно окинул взглядом пустой холм. Они были здесь одни, но с самого детства их учили, что даже у холмов были глаза и уши.

Слово, которое он не произнес до конца, тяжелым осадком легло между ними. *Десятина*. Всего четыре слога, из-за которых каждую осень деревня задыхалась от липкого, звериного ужаса. Время, когда граница между мирами истончалась, и из тумана приграничья являлись они — всадники Бессмертных дворов, забирающие живую дань.

Рэйвен ощутила, как внутри все болезненно сжалось, но упрямство — ее верный, проржавевший щит — сработало быстрее, чем страх. Она резко опустила ноги, глухо стукнув сапогами по сырой траве.

— Рейнар не фейри, Файлан, — зло выдохнула она, повернувшись к нему. — Он обычный трус, который чуть что

на каждом углу кричит о своем отце. Списки тех, кого отдадут на Десятину, утверждает совет общины, а не один обиженный мальчишка.

— Совет общины слушает его отца, — Файлан подался вперед, перехватывая ее за запястье. Его пальцы были теплыми, шершавыми, и от этого привычного прикосновения у Рэйвен на мгновение перехватило дыхание. — А старик сделает все, чтобы обелить своего ненаглядного сынка. Если Рейнар наплетет ему невесть что про тебя... Они впишут твое имя первым, Рэйвен! Просто чтобы избавить деревню от лишнего рта.

Рэйвен попыталась выдернуть руку, но он держал крепко — не больно, но с той отчаянной силой, от которой у нее внутри заныло. В его глазах, отражающих последние розовые блики угасающего неба, плескался такой чистый, неподдельный страх за нее, что скрываться за привычной злостью стало трудно.

— И что, мне надо было молчать? Позволить ему дальше меня раздевать глазами и намекать, что я должна под него лечь, чтобы спасти отца? — голос у нее дрогнул. — Считай меня дурой, но я так не могу. Не могу, и все.

Он протянул руку и осторожно убрал прядь волос с ее лица.

— Я знаю. Но иногда лучше проглотить и перетерпеть... чем потом расплачиваться.

— Пусть вписывают, — уже тише пробормотала она. —

Я руками зарабатываю на каждый кусок хлеба, который съедаю. Община не посмеет. Они знают, что без меня на мельнице...

Она осеклась, бросив взгляд направо, туда, где в низине у ручья стояла их деревенская мельница. Старая, скрипучая, с вечно барахлящим приводом, который она перебирала каждые две недели. Собственные слова показались ей мелочной чушью. Ну какая, упасите боги, мельница?!

Файлан молчал. Его теплые пальцы ласково поглаживали ее руку. В долине тихо шелестел ручей. Вдалеке, на холмах, уже начали загораться первые холодные огоньки — фейри редко показывались так близко к человеческим землям, им запрещал Договор. Однако в последние годы их свет все чаще мелькал между деревьями. Словно напоминал: *мы здесь и мы свое не упустим.*

Они возвращались в темноте, почти не разговаривая. Файлан шел на полшага впереди, то и дело придерживая Рэйвен за локоть на крутых, размытых туманом тропинках. Его присутствие рядом казалось нерушимым, как тот старый дуб, на котором они сидели. У самого порога ее дома он остановился, мягко привлек ее к себе и прижался губами к ее виску. Рэйвен судорожно выдохнула, уткнувшись носом ему в грудь. Постояв так какое-то время, он отстранился, взял ее лицо в ладони и поцеловал — долго и мягко, будто хотел запомнить этот вечер. Рэйвен подалась вперед, прижимаясь

к нему всем телом и отвечая на поцелуй.

— Закройся на все засовы, — сказал он, отстраняясь. — И не выходи, если что-то услышишь.

— Ты тоже будь осторожен, — прошептала она, глядя ему в глаза.

Файлан кивнул и пошел в сторону своей улицы. Рэйвен стояла на крыльце, пока его фигура не растворилась в темноте, а потом вошла в дом и задвинула тяжелый засов. Прислонившись спиной к двери, она долго стояла, зажмурившись и прислушиваясь к каждому шороху на улице.

Файлан прошел вдоль улицы, сунув руки в карманы и прокручивая в голове этот богатый на события день. Он изо всех сил старался не злиться на Рэйвен, и это даже почти получалось. А вот не злиться на себя никак не выходило.

Он должен был выбить из Рейнара весь дух за один только взгляд на нее. Но, вместо этого, он лишь стоял, как истукан, и даже не сумел защитить честь своей девушки. Уже не говоря о том, чтобы остановить ее от такого опрометчивого поступка.

Свернув в глухой переулок за кузницей, он вышел на короткую дорогу, ведущую к дому через заброшенные амбары. Туман здесь был особенно густым, он глушил все звуки, но Файлан успел уловить чужое, частое дыхание и шорох шагов по мокрой траве. Он резко обернулся, но было слишком поздно.

Темный силуэт вырос перед ним словно из ниоткуда.

— Ну что, нагулялись, голубки? — из темноты донесся глумливый голос одного из приятелей Рейнара.

Файлан едва успел вскинуть руки для защиты, как тяжелый удар дубины обрушился ему на предплечье. Кость мгновенно отозвалась сухим, страшным хрустом. Парень вскрикнул, оседая на землю, и тут же на него навалились еще двое. Удары посыпались градом, один за другим — он едва успел сжаться в комок, прикрывая голову и живот руками.

Из темноты амбаров, вальяжно поправляя куртку, вышел сам Рейнар. Он даже не пачкал руки, просто стоял чуть поодаль, лениво жуя травинку и наблюдая, как его дружки, тяжело дыша, старательно колотят Файлана ногами.

— Это тебе за твою сумасшедшую девку, — тихо, сквозь зубы процедил Рейнар, когда Файлан уже перестал закрывать лицо, хрипя и захлебываясь кровью вперемешку с дорожной грязью. — Передай этой глухой дуре, что на Десятину она поползет на четвереньках, если не научится кланяться тем, кто выше ее. Хватит с него. Пошли.

Все прекратилось так же быстро, как и началось. Парни растворились в темноте, а Файлан остался лежать на сырой земле среди прелой листвы, судорожно хватая ртом холодный воздух и пытаясь удержать ускользающее сознание. В ушах звенело, а перед глазами, вместо темноты, почему-то все еще стояли те самые далекие, холодные огоньки Бесмертных дворов на холмах.

Рэйвен проснулась от того, что в ухе противно и тонко фонило — похоже, за ночь туман так и не рассеялся, превратившись в сырую утреннюю изморозь. Именно на нее обычно так капризно реагировал ее слуховой аппарат. Она даже как-то попыталась в нем поковыряться, ища причину такой необычной реакции, но отец быстро пресек эту попытку. Видимо, слишком переживал, что она ненароком сломает что-то внутри сложного механизма.

В комнате было прохладно, из полуоткрытого окна тянуло сыростью и прелым запахом гнилой травы. Отец уже был на ногах. Рэйвен услышала его тяжелые, размеренные шаги на кухне, а затем глухой стук заслонки печи. Наскоро натянув рубаху и штаны, она привычным движением поправила за ухом металлический корпус аппарата и вышла из каморки.

Отец сидел у стола, обрезаая нагар с фитиля масляной лампы. На появление дочери он даже не поднял голову, лишь сильнее сжал пальцами тупые ножницы. По его застывшим плечам и тому, как резко он дышал, Рэйвен сразу поняла: он уже все знает.

Делая вид, что ничего не случилось, она подошла к корыту с чистой водой и наскоро умылась, чувствуя спиной взгляд отца. Вытирая лицо, она никак не могла избавиться от острого желания втянуть голову в плечи.

— Томас заходил на рассвете, — негромко произнес Элиас, не отрывая взгляда от лампы, когда она обернулась.

Его обманчиво спокойный голос лишь заставил Рэйвен

напрячься сильнее. Отец не отличался кротким нравом, эту черту она унаследовала от него. Она уже было хотела открыть рот, чтобы рассказать, как все было на самом деле, но отец вдруг отложил в сторону лампу и с такой силой ударил кулаком по столу, что медные чашки, стоявшие на краю, испуганно подпрыгнули и зазвенели. Рэйвен лишь прикусила щеку изнутри.

— Ты что устроила, паршивка?! — рявкнул он так, что у нее в правом ухе мгновенно зазвенело, отозвавшись тонким, болезненным писком.

— Он первый начал, — сухо буркнула она, скрестив руки на груди. — Стоял у нашей двери и...

— Рэйвен, — отец наконец посмотрел прямо на нее. В его глазах не было злости, только глухая усталость человека, который с самого рассвета варился в тревоге и страхе. — Мне плевать, где он стоял. И что говорил — тоже плевать. Рейнар — это кусок паршивого дерьма, это вся деревня знает. Но его отец сегодня зачитает список, в котором может оказаться твое имя! Как ты не понимаешь этого?!

Элиас отодвинул в сторону ножницы. Затем шумно выдохнул, тщетно пытаясь взять себя в руки.

— Ты думаешь у тебя девять жизней в запасе?! — глухо произнес он, тяжело дыша. Его широкие плечи мелко дрожали от едва сдерживаемого гнева. — Ты у меня одна, Рэйвен. Одна! А лезешь на рожон так, словно за твоей спиной стоит целая армия, а не один стареющий калека!

— Я могу за себя постоять, папа! — тоже взорвалась Рэйвен, делая шаг вперед. — Я не маленькая девочка и за чужие спины прятаться не буду. Он распускал руки, открыто говорил, что...

— Да потому что он может это сделать! — отец резко встал из-за стола и шагнул к ней, схватил за плечи. Его огромные, мозолистые ладони сжались крепко, с той отчаянной силой, с какой хватаются за то, что боятся потерять. — Он может, а ты — нет! Ты лезешь в драку, не думая о последствиях. Ты думаешь, ты самая умная? Самая сильная? Да если этот кусок дерьма решит тебе отомстить, если его дружки подкараулят тебя в темноте у мастерской... Что ты сделаешь, Рэйвен? Своими железками в них швырять будешь?!

— Я его не боюсь, — тихо процедила она, пытаясь высвободиться из его хватки.

— А я боюсь! — гаркнул Элиас прямо ей в лицо, и его голос на секунду прозвучал хрипло и надломленно. Он разжал пальцы и отступил на шаг, опустив голову. — Я боюсь за тебя каждую чертову секунду, Рэйвен. С того самого дня, как твою мать забрали... С того дня, как ты перестала слышать этим ухом. Ты думаешь, я от хорошей жизни заставляю тебя сидеть тут до темноты? Я хочу, чтобы ты была на виду. Чтобы никто близко не смел подойти к моей девочке. А ты берешь ушат дерьма и рушишь все, что я пытаюсь строить.

Рэйвен замерла, сжимая кулаки. Весь ее боевой запал вдруг наткнулся на эту стену отцовской заботы. Ей хотелось

кричать, доказывать свою правоту, сказать, что он душит ее своей опекой, но то, как отец сейчас сгорбился у стола, тяжело дыша, лишало ее всех аргументов.

Элиас вздохнул, потянулся к вешалке у двери и снял свой плотный кожаный фартук.

— В полдень Десятина, Рэйвен, — глухо сказал он, накидывая ляжку на шею. — На площади будет вся деревня. Старейшина, Рейнар со своими прихвостнями... Мне нужно разжечь горн и закончить оси для телеги старосты, иначе этот старый хрен сожрет меня еще до приезда всадников. А ты беги к Файлану.

Рэйвен удивленно моргнула, не ожидая такой перемены.

— К Файлану? Зачем?

— Затем, — отец строго посмотрел на нее, затягивая кожаный пояс на поясице. — Пусть рядом сегодня будет. Держись за него. Файлан парень крепкий, при нем к тебе этот сопляк Рейнар среди толпы не сунется. После можешь привести его сюда, если захочешь. Главное — перед глазами у старейшины одна не маячь. Иди.

Рэйвен молча кивнула, чувствуя, как внутри немного отпускает. Привычная мысль о Файлане, о его теплых руках и вчерашнем поцелуе на крыльце принесла мимолетное облегчение. Она шагнула в каморку, наспех натянула куртку и почти бегом бросилась через переулки к дому Файлана.

Дверь открыла его мать — Агнес. Выглядела она уставшей и встревоженной, нервно вытирала руки о фартук, про-

пускающая Рэйвен внутрь.

— Рэйвен? Ты чего так рано, дорогая? — в доме пекаря пахло сушеными травами и дрожжами. — Файлан еще не выходил сегодня. Приболел, похоже. Ночью вернулся, закрылся у себя и носа не высовывает. Сказал только через дверь, что простудился и чтобы я его не трогала.

Рэйвен кивнула, но внутри у нее все болезненно жалось, в голову закралось тревожное подозрение. Простудился? Файлан, который мог в одной рубашке колоть дрова до самых первых заморозков?

— Я поговорю с ним, — тихо сказала она и, не дожидаясь ответа, прошла по узкому коридору к его комнате. Коротко постучала в низкую деревянную дверь. — Файлан? Это я. Отец сказал, чтобы мы шли на площадь вместе. Выходи.

За дверью долго стояла тишина. Рэйвен прижалась здоровым ухом к косяку, ловя звуки, и наконец услышала тяжелое, сиплое дыхание.

— Иди без меня, Рэйвен, — донесся его голос. Он звучал странно — глухо, свистяще, будто Файлану было тяжело проталкивать воздух сквозь горло. — Я... я неважно себя чувствую. Иди, я догоню позже.

— Файлан, открой, — Рэйвен дернула за ручку, но дверь была заперта на защелку изнутри. — Что значит «иди без меня»? Сегодня Десятина.

— Пожалуйста, Рэйвен, уходи, — в его голосе промелькнула отчетливая, судорожная мольба. — Со мной все нор-

мально. Просто иди на площадь к отцу.

Чуя неладное, Рэйвен не стала дальше спорить. Проворно запустив пальцы в щель между косяком и старой дверью — она прекрасно знала, как устроена эта хлипкая защелка, ведь сама помогала ее чинить, — она резко толкнула ее снизу, и дверь, издав сухой щелчок, поддалась.

— Файлан, я сказала... — Рэйвен шагнула прямо внутрь и осеклась. Слова так и застряли у нее в горле.

В комнате царил полумрак, штора была плотно задернута. Файлан сидел на краю кровати, согнувшись пополам, и в утреннем полумраке его фигура казалась изломанной и чужой. На нем была все та же вчерашняя рубашка, но теперь вся ее левая сторона была залита темными, уже подсохшими бурыми пятнами.

Когда он медленно, с явным трудом поднял голову, Рэйвен судорожно выдохнула, прижимая ладонь к губам.

Его правый глаз полностью заплыл и превратился в багровую, страшную щель, рассеченная бровь склеилась от запекшейся крови, нижняя губа была разбита, а на скуле проступал темно-фиолетовый кровоподтек. Но хуже всего было его предплечье — он прижимал левую руку к телу, и Рэйвен сразу заметила, как неестественно, под жутким углом была вывихнута кость под разорванным рукавом.

Он посмотрел на нее своим единственным здоровым глазом, и в этом взгляде было столько стыда и горького, бессильного отчаяния, что Рэйвен показалось, будто ее саму

ударили под дых.

— Я же просил тебя... не заходить, — едва слышно прохрипел он, пытаясь отвернуться, чтобы спрятать от нее изувеченное лицо.

Рэйвен сделала шаг вперед, и колени у нее подогнулись сами собой. Она глухо опустилась на дощатый пол прямо перед кроватью. Руки ее взлетели к его лицу, но тут же замерли в сантиметре от разбитой губы — она безумно боялась сделать ему еще больше.

— Кто?.. — выдохнула она, хотя ответ раскаленным гвоздем уже засел в ее голове. — Это он? Рейнар?

Файлан не ответил, лишь сильнее стиснул зубы, судорожно втянув воздух сквозь разбитые губы. Но этого молчания было более чем достаточно. Внутри у Рэйвен что-то с треском лопнуло и наружу вырвалась черная, удушающая ярость. Ей захотелось побежать обратно в кузницу, схватить самый тяжелый, раскаленный добела железный прут и хлестать им Рейнара по лицу до тех пор, пока тот не перестанет дышать. Заставить его захлебываться воплями, заплатить за каждую секунду боли, которую Файлан прожил этой ночью в этой душной комнате.

— Я убью его, — процедила она сквозь зубы, и ее собственный голос показался ей чужим. — Клянусь тебе... Я найду его прямо на площади, на глазах у его отца, и я... я убью эту тварь.

Она потянулась к его руке, бережно, одними кончиками

пальцев касаясь разорванного рукава рубашки, и в этот самый момент ее ярость резко сменилась совсем иным чувством. Смотреть на его раны, на эти багровые потеки было невыносимо. Глаза обожгло.

Слезы хлынули градом, мгновенно застилая зрение и оставляя горячие, мокрые дорожки на ее холодных щеках. Рэйвен сердито и резко крутанула головой, пытаясь их смахнуть, но они продолжали течь, капая на его перепачканные грязью колени. Она шмыгнула носом, ненавидя себя за эту слабость, ненавидя Рейнара, ненавидя проклятые Бессмертные двory с их Десятиной.

Файлан со свистом выдохнул и медленно, преодолевая боль, протянул здоровую руку. Его пальцы, испачканные в подсохшей крови, коснулись ее мокрой щеки.

— Рэйвен, нет, — тихо, с трудом размыкая спекшиеся губы, прохрипел он. — Не смей. Он только этого и ждет. На площади... тебе нужно держаться тихо, пожалуйста.

Он попытался сжать ее щеку чуть сильнее, но пальцы соскользнули, оставив на ее коже грязный смазанный след. Рэйвен порывисто поймала его ладонь, прижала к своим губам и продолжала глухо, зло плакать, уткнувшись лбом его колено. На пороге вдруг послышался шорох. Агнес, уставшая ждать в коридоре, приоткрыла дверь.

— Дети, ну что вы там возитесь столько...

Ее речь оборвалась на полуслове. Сначала из груди женщины вырвался короткий, задушенный всхлип, а затем ком-

ната наполнилась ее испуганными воплями. Агнес бросилась к кровати, едва не сбив Рэйвен с ног. Схватившись за голову, она трясущимися руками пыталась коснуться разбитого лица сына и все повторяла его имя, то и дело срываясь на истерический плач.

— Мама, тихо... тихо, — бледнее еще сильнее, умолял Файлан, но его голос тонул в ее причитаниях.

Рэйвен резко поднялась с колен. На смену слезам снова пришла злость. Она силой оттащила плачущую Агнес от кровати, заставив ту посмотреть на себя.

— Успокойтесь! Нужен лекарь и быстро. Бегите за старым Томасом, пока всех не вызвали на площадь!

Судорожно кивая и размазывая слезы по лицу, женщина выскочила из дома. А уже через четверть часа пришел старый Томас, тяжело отдуваясь и таща за собой потрепанную кожаную сумку. Времени на нежности не было — в долине уже протяжно завыл сигнальный рог, возвещая о том, что солнце приближается к зениту. Лекарю пришлось действовать быстро и безжалостно. Он велел Рэйвен и отцу Файлана, прибежавшему из пекарни и белому как мел, крепко держать парня за плечи.

Когда Томас резко, с силой потянул и крутанул вывихнутое предплечье, вправляя кость на место, Файлан не закричал. Он лишь глухо, страшно взвыл сквозь сомкнутые зубы, и Рэйвен почувствовала, как его тело на секунду одеревенело, а по спине покатился ледяной пот. Зубы парня прокуси-

ли нижнюю губу до новой крови, и он на несколько секунд потерял сознание, уткнувшись лбом в плечо отца.

Томас наскоро наложил тугие лубки, обмотав руку серым холстом, смазал рассеченную бровь пахучей мазью и обмыл лицо от грязи. Но легче от этого не стало. Файлан выглядел ужасно: бледный, с огромной черно-синей гематомой на всю правую сторону лица, с висящей на перевязи рукой. Когда его попытались поднять, его повело в сторону — ноги парня держали плохо, в груди при каждом вздохе что-то нехорошо хлюпало.

— Ему лежать надо, — покачал головой лекарь, собирая инструменты. — Но если не придет на площадь... сами знаете.

Отец Файлана, молчаливый и осунувшийся, осторожно подставил сыну крепкое плечо. С другой стороны парня подхватила Рэйвен, бережно обняв его за пояс. Файлан попытался слабо опереться на нее, тихо шепча: «Я сам, сам...», но она лишь сильнее сжала пальцы на его боку, заставляя замолчать.

Они вышли на улицу. Деревня словно вымерла, но это была обманчивая тишина — все дороги вели в одно место. Туман к полудню так и не ушел, он висел над крышами тяжелым серым саваном, смешиваясь с горьким дымом.

Чем ближе они подходили к рыночной площади, тем гуще становилась толпа. Люди шли целыми семьями, молча, опустив головы. Слышался только шаркающий стук сотен сапог

по сырой земле и тихий плач детей, которых матери крепко прижимали к своим юбкам. На них, и особенно на избыточную фигуру Файлана, начали оглядываться. Соседи испуганно шептались, кто-то начинал молиться богам, прижимая к груди их деревянные статуэтки, но все поспешно отводило глаза, боясь навлечь беду и на себя. Все понимали, чьих это рук дело. И все понимали, почему.

На краю площади, у старой ратуши, уже выстроились старейшины. И Рэйвен сразу, сквозь пелену слез и злости, увидела Рейнара. Тот стоял за спиной своего отца, в чистой дорожной куртке, вальяжно уперев руки в бока. Заметив их маленькую процессию, он медленно перевел взгляд на Файлана, а затем посмотрел прямо на Рэйвен — открыто, с гадкой, торжествующей усмешкой.

Перед глазами у нее возникла алая пелена. Файлан, почувствовав, как окаменело ее тело, слегка наклонил голову и мягко прижался губами к ее макушке. Это подействовало на Рэйвен отрезвляюще. Ее эмоции уже стоили Файлану слишком дорого, снова подвергать опасности его или кого-либо еще она просто не имела права. Девушка отвела глаза, стала искать в толпе отца и вскоре наткнулась на его ошарашенный взгляд. Он явно не верил тому, что видел.

Элиас стоял у самого края среди других кузнецов и механиков. Его широкие ладони, стиснутые в кулаки, побелели, а взгляд метался от изуродованного лица Файлана к Рейнару. Рэйвен едва заметно качнула головой, умоляя отца не делать

глупостей, и крепче прижалась к боку Файлана.

На деревянный помост перед ратушей вышел старейшина. В руках он держал свиток из плотной серой бумаги, перевязанный черной шелковой лентой. Туман вокруг площади, казалось, стал еще гуще, и в этой сырой, душной мгле голос старика прозвучал неестественно громко, раскатываясь над притихшей толпой.

Он читал медленно, растягивая каждое слово. С каждым новым именем площадь отзывалась глухими всхлипами. Семьи, чьих родных называли, ломались прямо на глазах у односельчан. Но никто ни за кого не заступался. Это было запрещено. Да и каждый радовался, что беда в этот раз обошла его стороной.

Рэйвен почти не слушала их. Пятым. Шестой. Седьмой.

Файлан дышал тяжело, со свистом, его здоровая рука, лежащая на плече Рэйвен, судорожно вздрагивала каждый раз, когда старейшина делал паузу.

Восьмой.

— Девятый, — старик на секунду запнулся, обводя площадь тяжелым взглядом, и Файлан рядом с Рэйвен судорожно, почти облегченно выдохнул. Самыми последними обычно называли крупных и сильных мужчин.

Но старейшина опустил глаза в свиток и громко, без тени сомнения, произнес:

— Рэйвен Арджент.

Воцарилась гробовая, звенящая тишина. Даже плач в

дальних рядах мгновенно стих. На Рэйвен со всех сторон уставились сотни глаз — испуганных, жалостливых и одновременно полных животного, почти постыдного облегчения. Внутри у нее все заледенело, но страх не успел парализовать ее. Она не была удивлена. Горькие, пророческие слова отца, сказанные утром в мастерской, сбылись с точностью до единого звука. Рейнар своего добился.

Рэйвен сделала глубокий вдох, собираясь с силами. Ей нужно было отпустить Файлана, высвободить свою руку из-за его пояса и сделать эти несколько шагов к помосту. Она обернулась к нему, чтобы беззвучно попрощаться, и в этот момент старейшина, даже не сделав положенной паузы, развернул свиток до самого конца.

— Десятый, — сухо отчеканил он. — Файлан Уэллс.